

УДК 930.1

М.С. Колесов, профессор, д-р филос. наук

Севастопольский национальный технический университет

Ул. Университетская, 33, г. Севастополь, Украина, 99053

ФИЛОСОФИЯ РЕВОЛЮЦИИ: КАРЛОС ФОНСЕКА АМАДОР

Рассматривается философская эволюция мировоззрения политического лидера Сандинистской народной революции в Никарагуа Карлоса Фонсеки.

19 июля 1979 года в Никарагуа победила народная революция, которую возглавил Сандинистский Фронт Национального Освобождения (FSLN), принявший имя вождя партизанской войны 20-30-х годов XX века Августо Сесаря Сандино (1895–1934) [1]. Одним из основателей и руководителей СФНО был студенческий лидер Карлос Фонсека Амадор (1936–1976), политические взгляды которого легли в основу революционной Программы Фронта. Однако в процессе борьбы и перипетий его личной судьбы эти взгляды претерпели значительную философскую эволюцию.

В написанной им политической биографии Сандино (“Viva Sandino”) Фонсека, оценивая внутренние и внешние обстоятельства борьбы «генерала свободных людей», отметил, что в общем революционном подъеме в мире в то время сыграла свою роль «победная революция Октября» и построение социализма в «молодой советской республике». Это нашло свое отражение в политических идеях Сандино, в которых очевидна его «идентификация с передовыми идеями социальной справедливости».

В своем интервью 1970 г., (опубликованном уже после победы никарагуанской революции в 1979 г.), Фонсека рассказал о себе. О своем детстве в г. Матагальпа, где он жил с матерью. Как вступил в революционную борьбу еще в школе. Поступив в университет в 1955 г., он вскоре организовал революционную студенческую группу. Впервые был арестован в 1956 году в связи с покушением на Анастасио Сомосу-старшего, но вскоре выслан из страны в Коста-Рику. Оттуда в 1957 году он, неожиданно для себя, отправился на Московский фестиваль молодежи и студентов, после этого посетил ГДР, Чехословакию, Польшу.

По возвращению (через Мексику и Коста-Рику) в декабре 1958 г. он был арестован прямо в аэропорту Манагуа. В своих показаниях при допросах Фонсека откровенно рассказал об обстоятельствах и ходе своей поездки в Москву. Затем он подробно описал свой «путь» к марксизму... через библиотеку, где он нашел книги «классиков».

Отвечая на вопрос, является ли он коммунистом, Фонсека ответил отрицательно, но тут же добавил, что он «согласен с марксистской философией». Он тогда не думал, что в Никарагуа была бы возможна реализация социалистического или коммунистического общества. Он верил в то, что «государство» при определенном «режиме» может создать экономически независимую от североамериканского империализма страну и освободит ее от «проимпериалистических никарагуанских сил». Для этого в стране не надо будет устанавливать диктатуру пролетариата. «Если коммунисты представят программу, которая желает освобождения Никарагуа от всякого империализма, тогда я буду симпатизировать им».

На вопрос: «что Вы понимаете под коммунизмом?» – Фонсека ответил:

«Я понимаю под коммунизмом социальную систему, в которой не существует классов, в которой исчезла эксплуатация человека человеком, в которой не существует также никакое государство, и, наконец, общество, в котором каждый индивид, согласно формуле, данной Марксом в прошлом веке, каждый индивид должен дать обществу то, что позволяет его способность, и получить от общества все, что может удовлетворить его потребность» [2, с. 168-169].

Однако он считал, что роль коммунистов в современности должна свестись к сотрудничеству вместе с другими националистическими силами для достижения экономического освобождения Никарагуа. «В действительности думаю, что коммунизм в целом слаб в Никарагуа».

Предлогом, который был использован прессой для обвинения Фонсеки в марксизме, явилась его брошюра «Никарагуанец в Москве», изданная в 1958 г. Он называл «этот предлог абсурдным». «Признать определенные успехи советского режима не является серьезным аргументом для того, чтобы считать человека коммунистом» [2, с. 235].

В этой брошюре, он откровенно указывал на случайный характер его выезда из Коста-Рики в Москву. Тогда он имел весьма смутные представления о том, что такое Советский Союз и социализм вообще. «В Никарагуа, в Соединенных Штатах, во всей Америке, вообще нет даже идеи о русской реальности», – писал он. Он описал свое впечатление о Москве и России, которое у него сложилось по книгам, радио, американским голливудским фильмам и даже песням. «Через посредство этих средств, мне рисовалась Москва, как город, купающийся в крови. Город с миллионами жителей, которые, столько испытав, забыли улыбаться. В Никарагуа мне рисовали Москву с населением истощенных рабочих. Без

права заявлять о своих правах. Мне рисовали Москву, наполненную танками и штыками для того, чтобы убивать мужчин и женщин, которые осмеливались протестовать. Весь этот ад мне рисовали в Никарагуа». И все-таки он сомневался.

Однако когда самолет приземлился в Москве, он не поверил, что это не сон. Он посетил Большой театр (балет «Лебединое озеро» с Улановой), города Ленинград, Киев (после фестиваля), встречался и разговаривал со студентами и рабочими. Он описал Москву, автомобили, велосипеды, Кремль, Красную площадь, Мавзолей («Ленин-Сталин»). По поводу памятников Сталину и речи Хрущева на XX съезде он записал: «Однако Сталина помнят как великого человека. Когда он был жив, его считали полубогом. Сейчас нет. Сейчас просто его считают великим человеком». Он описал свои впечатления от речи Хрущева на праздновании 40-й годовщины Октябрьской революции, речей Долорес Ибаррури, Тольятти, М. Тореза, Хо-Шемина. Фонсека представлял Никарагуа на молодежном фестивале один (китайцев, например, было 3000 человек). Он изложил свой разговор с венгром о событиях 1956 года.

Затем описал свою поездку в Германию, Прагу, Польшу (посещение концентрационного лагеря Аушвиц-Освенцим). В заключение он писал: «Мое путешествие в Советский Союз и другие социалистические страны, этот прыжок через воображаемый железный занавес лишь означал свершение в моей скромной персоне переворота обманутой никарагуанской судьбы» [2, с. 343].

Эта поездка, безусловно, значительно повлияла на формирование политического мышления Фонсеки. Тогда он определял свое мировоззрение как сплетение «народной сущности различных идеологий: марксизма, либерализма, социал-христианства». «Марксистская интерпретация социальных проблем, его враждебность к богатым, применима, хотя бы отчасти, – писал он позже. – Марксизм должен иметь некую правоту для того, чтобы быть способным завоевать доверие широких масс миллионов человеческих существ в определенной части мира. Марксизм должен иметь некую правоту, когда существуют многие люди, которые жертвуют жизнью, защищая свои принципы».

Вместе с тем он считал, что можно использовать либеральную интерпретацию политических явлений, ее защиту личности, для подталкивания «богатых» к участию в борьбе против сомосовского правительства и во благо революционного процесса. Он также считал, что нужно извлечь «народную суть» из социал-христианской доктрины. «...Если мы примем в расчет социалистическую доктрину, в данном плане как марксизм, либерализм и любую другую идеологию, мы воспрепятствуем тому, чтобы быть поверженными умирающими контрреволюционными силами» [2, с. 235-236].

После недолгого пребывания в тюрьме Фонсека был выслан на Кубу, откуда он вскоре вернулся с намерением создать революционную группу, но вскоре был арестован и выслан в Гватемалу, где был вновь арестован (июль 1960 г.) и помещен в лагерь. В письме отцу от 22 апреля 1959 г. Фонсека описывал обстоятельства его высылки в Гватемалу: «Никогда, как сейчас, когда силой меня отделили от моего народа, я не чувствовал так близко страдания этого народа. Ничто во вселенной не заставит меня покинуть героические и славные ряды борцов за благо человечества. Всю мою жизнь я отдам полностью этому делу. Чувствую себя гордым, когда отдаю себе отчет, что вручаю человечеству, никарагуанскому народу, лучшее, что можно иметь, молодость, потому что жизнь – это молодость» [2, с. 149].

Из лагеря он бежал и вернулся в Никарагуа. 23 июня 1959 г. на гондурасско-никарагуанской границе («Эль Чапараль»), гондурасской армией был уничтожен партизанский отряд, состоявший из никарагуанской, главным образом, студенческой молодежи. Карлос Фонсека, раненный в грудь, был арестован и доставлен в Тегусигальпу (столица Гондураса) и оттуда выслан на Кубу. Там он познакомился с Че Геварой.

Эти трагические обстоятельства и пребывание на революционной Кубе изменили политические взгляды молодого студенческого лидера. Прежде всего, он избавился от либерально-христианских иллюзий. Из своего партизанского опыта, он сделал вывод о том, «что вооруженная борьба есть единственный путь, который может привести к революционным изменениям в Никарагуа», что необходимо объединить и организовать никарагуанские революционные силы.

«Борьба против диктатуры, возглавляемой семьей Самосы, есть борьба за то, чтобы достичь трансформации Никарагуа. Это равно тому, чтобы сказать, что мы предлагаем ликвидировать экономическую и политическую систему, которая господствует в нашей стране, для того, чтобы заменить ее новой и лучшей системой» [2, с. 25]. Сомосовская диктатура, которая функционирует как агентство североамериканского Государственного Департамента в Никарагуа, опирается на полуколониальную и полуфеодальную экономическую структуру, капитал которой находится в Вашингтоне. Ее главная сила есть Национальная гвардия, то есть армия, которая была создана североамериканскими оккупантами. Диктатуру контролирует тот, кто контролирует Национальную гвардию. Поэтому легальная борьба народа не может привести к победе. Лишь восставший вооруженный народ способен ликвидировать диктатуру. «...Эта народная партизанская война против Национальной гвардии есть продолжение борьбы, которую против той же армии и против завоевателей поддерживал великий патриот Сандино со своей Армией-Защитницей Национального Суверенитета» [2, с. 28].

Фонсека понимал, что основную народную базу Революционной Армии составляли крестьяне, для которых эта война должна быть «аграрной» войной. Но вооруженная борьба без помощи других форм борьбы не может привести к победе. «Легальные двери, сколь узкими бы они ни были, должны быть использованы для связи с народом». Вместе с тем подпольная деятельность есть важнейшая помощь вооруженной борьбе. Для достижения победы в войне, несомненно, нужна естественная храбрость, но ее недостаточно. «...Никто в мире ни должен настолько принимать в расчет реальность, как солдат революции» [2, с. 31].

В 1961 г. в Тегусигальпе (Гондурас) группой студентов (прибывших с Кубы) был создан Сандинистский Фронт Национального Освобождения (FSLN). В то же время в Манагуа и Леоне были организованы подпольные революционные группы. В 1962 г. близ границы с Гондурасом между реками *Коко* и *Бокай*, в изолированной зоне с индейским населением, была создана партизанская база для отряда в 60 человек (по инициативе Че Гевары). Но первая военная акция потерпела поражение. Погибло много студентов. Фонсека был арестован при переходе границы с Гондурасом.

В своей речи перед судьей 9 июля 1964 г. в Манагуа Фонсека подробно рассказал о своей революционной деятельности в СФНО. Он назвал всех руководителей и членов партизанского отряда, как погибших, так и находившихся в эмиграции. В конце он заявил: «Как известно, наша организация приняла на себя работу, которая состоит в вооруженной народной борьбе. Она единственна, так как может обеспечить победу революционного правительства» [2, с. 191].

В тюрьме 21 сентября 1964 г. Фонсека написал Манифест «Это правда», в котором он отвергал обвинение в «планировании абсурдных террористических актов». «В этой ситуации правительство распространяет ужасную ложь, которая состоит в связывании революционеров с русскими подлодками, курсирующими в Тихом океане».

«...Народ знает, кто является виновным в том, что Никарагуа находится в жалких условиях колонии империализма янки». «Мы, сандинистские бойцы, утверждаем, что не Фидель Кастро, а сомосовский режим своей жестокой антинародной политикой подготовил нас к борьбе в защиту свободы!» [2, с. 240-241].

В 1965 г. он написал памфлет «Из тюрьмы я обвиняю диктатуру».

«...Я могу обвинять Анастасио Сомосу Д., Луиса Сомосу Д. и других членов семьи, которая возглавляет угнетение, также как политиков и военных, которые им служат соучастниками. Я могу обвинять их, скажем, не в том, что они имеют прямые планы для покушения на жизнь честных граждан, а в использовании систематической формы убийств патриотов и достойных людей» [2, с. 231].

Далее следует перечисление дат и имен погибших. Затем перечисление кампаний и преступлений семьи Сомосы, разорвавшей страну.

«Газета «Ла Пренса» с некоторого времени способствовала пропаганде, согласно которой я описывался как коммунист и как приверженец марксизма-ленинизма, и это – фальшь. Потому что я не являюсь марксистом-ленинистом, и это – не только сегодня. ...Смерть шагает недалеко от меня и, если достигнет моих костей, я не хочу, чтобы она скрыла эту ложь. Поэтому я говорю это сейчас» [2, с. 234].

Фонсека был выслан вновь в Гватемалу. В Мексике он зарегистрировал свой брак с Марией Хейдой Теран (жена и его сыновья, после этого, жили на Кубе). В 1966 г. он вернулся в Никарагуа.

22 января 1967 г. в Манагуа была расстреляна антисомосовская демонстрация (погибло 400 человек). Армия провела репрессивные акции против крестьян в горных местностях. В боях погибли партизанские руководители: Сильвия Майорка, Ригоберто Круз и др. Другие руководители студенческого движения были арестованы в городах и убиты. В сентябре 1967 года в латиноамериканском мире произошло «кульминационное» событие: гибель Че Гевары. Впоследствии погибли другие руководители латиноамериканской революции: Камило Торрес, Фабрисιο Охада, Турсиос Лима. Карлос Фонсека отправился в горы и возглавил партизанский отряд.

Тогда Фонсека отметил в своих записях, что эти события вызвали появление определенной склонности преувеличивать трудности вооруженной борьбы. И все-таки «идея о том, что горы есть наиболее благоприятная почва для войны, превращается в проекты для ее воплощения с каждым днем в реальность». Опираясь на исторический опыт борьбы никарагуанского народа, он рассуждал о преимуществах войны в горах, по сравнению с городом.

Находясь в Гаване в 1968 г., Фонсека написал документ «Сандинистский Фронт Национального Освобождения», в котором определил начало освободительной войны в Никарагуа с 15 сентября 1821 г. «Сто пятьдесят лет, прошедших с изгнания испанских колонизаторов до сегодняшнего дня, являются также сто пятьдесят лет североамериканских агрессий любого типа. Легко можно увидеть, что Никарагуа находится среди первых жертв могущества янки, которое по прошествии времени превратилось в большую угрозу человечества и в частности народов Азии, Африки и Латинской Америки» [2, с. 363-364].

В то время как эксплуататорские классы полностью сдались завоевателю, народные массы поднимались беспрестанно в защиту национальной чести. «На вершине этих коллективных восстаний

сверкают собственным светом основные партизанские отряды простых крестьян, возглавленных наиболее достойным сыном Никарагуа: Аугусто Сезарем Сандино, гения народной битвы и символа традиционного сопротивления континента против империализма янки» [2, с. 364].

Вместе с тем, он заметил, что в то время отсутствовало проникновение идей научного социализма в страну, отсутствовали организованные революционные силы. Но Фонсека предвидел новую эпоху в Америке. «Славное движение кубинского народа во главе с Фиделем Кастро и Эрнесто Че Гевара осветило путь всем. И в этом свете в Никарагуа появилась вновь сила, которая возобновила попытку 30-х годов: Сандинистский Фронт Национального Освобождения родился как верное выражение боевой решимости новых никарагуанских поколений».

Лишь народ и его революционное движение, которое объединяет рабочих и крестьян, молодежь и женщин, в решающем наступлении может обеспечить будущее Никарагуа. «Сандинистский Фронт заявляет, что богатства нации, включая подземные и меж океанский потенциал, должны быть возвращены самому народу, а не быть добычей клики национальных и международных эксплуататоров. Также СФНО желает, чтобы никарагуанская территория была бы братским очагом для преследуемых, а не североамериканским трамплином для усиления агрессии против других народов» [2, с. 366].

Одним из наиболее глубоких аналитических политических рефератов Фонсеки явились его записки под названием «Никарагуа. Час Ноль», написанные, вероятно, в конце 1969 г.

«Народ Никарагуа испытывает порабощение камарильи, поставленной империализмом янки практически с 1932 г., года, когда Анастасио Сомоса Г. был назначен командующим-директором так называемой Национальной Гвардии (GN), пост, который раньше занимали офицеры янки. Эта камарилья привела Никарагуа к условиям неокolonии, которую эксплуатируют монополии янки и капиталистический класс страны», – писал Фонсека [2, с. 75].

Он проанализировал ситуацию во всех сферах экономики и общества. Обратил внимание на то, что только 1,1 % населения страны имели образование. «Для понимания современной политической ситуации Никарагуа необходимо принимать в расчет определенные черты, которые проявились через посредство национальной истории. Никарагуа – это страна, которая испытывала на протяжении четырех веков иностранную агрессию и угнетение».

Фонсека сделал экскурс в историю XIX – начала XX веков и затем до 1968 года.

«Вместе с грабежом национальных богатств, соединенноштатский империализм был намерен использовать по своей прихоти географическое положение Никарагуа и использовать страну как базу агрессии против различных народов Латинской Америки». «Идеологический обскурантизм», унаследованный от колониальной эпохи, продолжал оказывать давление на народ с целью воспрепятствовать его борьбе за социальное изменение. В связи с этим он счёл уместным напомнить слова Карла Маркса, которые тот написал об Испании: *испанский народ был традиционно мятежным народом, но не был революционным народом* [2, с. 81-82].

Национальные и международные условия, преобладавшие в тот момент, по его мнению, позволяли начать вооруженную борьбу в Никарагуа с целью добиваться не просто смены людей во власти, а изменения всей системы, поражения эксплуататорских классов и победы эксплуатируемых классов.

Во время партизанской войны Сандино с 1926 по 1936 годы в Никарагуа борьба велась без существования рабочего класса. «Сандинистское сопротивление, которое превратилось в героический авангард народа, представляло почти абсолютно крестьянский состав, и именно в этой детали заключается слава и трагедия того революционного движения. ...Длительная вооруженная борьба, которая закончилась предательством и крушением, вызвала истощение народных сил» [2, с. 82-83].

Значительную роль в прекращении антиимпериалистической борьбы сыграла Вторая мировая война. «Империализм янки, традиционный враг народа Никарагуа, превратился в союзника антифашистского мирового фронта». Сомоса в полной мере использовал это для укрепления своей власти. В течение этих лет влияние марксистов в оппозиции режиму было особенно слабым. Никарагуанская социалистическая партия родилась 3 июля 1944 года на митинге в поддержку Президента Сомосы. Единственной оппозицией была консервативная партия.

Вместе с тем Фонсека отмечал, что в течение многих лет в Никарагуа участие в революции интеллигенции было редким исключением. Вследствие этого интеллектуальное движение стало монополией католических кругов. «Таким образом, дверь мысли оказалась закрытой для революционного движения» [2, с. 84].

В результате в первые годы нового этапа революционное руководство вынуждено было брать в руки оружие, не рассчитывая на командиров, которые во многих случаях были лишены определенных политических убеждений. Другим очень важным фактом явилось отсутствие на первых этапах этого периода адекватной революционной организации, которая была бы связана с народными массами и, особенно, с крестьянскими массами. Состав революционных групп был представлен ремесленниками и рабочими с очень низким политическим и идеологическим уровнем. Участие университетского студенчества в то время было исключением.

До 1962 г. отдельные вооруженные акции осуществлялись разными группами. «...Это отражало полную анархию, которой был подвержен повстанческий революционный сектор».

СФНО (FSLN) преодолел эту проблему, объединив политический и военный сектора. С 1959 по 1962 гг. среди членов СФНО преобладали иллюзии, что возможно добиться изменения примиренческой линии Социалистической партии. В результате из Фронта выделилась группа, которая придерживалась идеи объединения с Соцпартией. Необходимо время, заметил Фонсека, чтобы «молодежь и народ Никарагуа начал отличать фальшивых марксистов от истинных марксистов» В это время была необходима работа в массах, и особенно среди крестьянства.

«Наш опыт показал, что революционная вооруженная сила (городская и сельская) есть мотор революционного движения в Никарагуа. Вооруженная борьба есть единственная, которая может вдохновить революционного борца в Никарагуа выполнить задачи, которые революционное руководство приняло, будь то вооруженные или другое революционное качество» [2, с. 88].

После фарса президентских выборов 1963 г. Фронт приступил к подготовке *герильи* в горах Панкасан. Но тогда была допущена серьезная ошибка в мобилизации крестьян, которые были смешаны с рабочими и студентами. Они представляли низкий уровень политического сознания, что создавало много проблем (вплоть до дезертирства). Другой ошибкой было упущение других форм политической работы (кроме военной). Но ошибкой также была пропаганда, проводимая людьми, не знавшими, что такое *герилья*. Все это привело, по мнению Фонсеки, к «сектантству».

Он настаивал на том, что в условиях Никарагуа, как и в других странах Латинской Америки, центром революционных военных акций должно было стать «кампо» (сельская местность). Однако особую роль должен был играть и город уже потому, что на первом этапе войны город должен снабжать «кампо» наиболее подготовленными кадрами для руководства военной и политической организацией отряда. В «революционные элементы» города входили рабочие, студенты и определенные группы мелкой буржуазии. Как подчеркивал Фонсека, «найти народ еще не достаточно, необходимо вовлечь его в участие в революционной войне».

Фонсека воспроизводит слова революционной клятвы:

«Перед образом Аугусто Сезаря Сандино и Эрнесто Че Гевары, перед памятью героев и жертв Никарагуа, Латинской Америки и всего Человечества, перед историей. Кладу мою руку на черно-красное знамя, которое означает «Свободная Родина или Смерть», и клянусь защищать с оружием в руках национальное достоинство и бороться за избавление угнетенных и эксплуатируемых Никарагуа и мира. Если выполню эту клятву, освобождение Никарагуа и всех народов будет наградой; если предам эту клятву, смерть позорная и бесчестие будут моим наказанием» [2, с. 95].

После боя «Панкасана» (1967 г.) авторитет СФНО среди масс вырос. Поражение не поколебало решимости революционеров, уверенных в том, что они соучаствуют в решающей «битве против империи доллара», «непокоренной вершиной» которой стал Вьетнам, отбивший агрессию «белокурых бестий».

Томас Борхе позже скажет: «Военное поражение Панкасана, которое естественно вызвало отступление, продемонстрировало, что СФНО был историческим ответом, необходимым вкладом в более чем столетнюю народную борьбу. ...Панкасан означал, с другой стороны, конец фокистских пережитков. В самой партизанской зоне реализуется работа, которая рассматривается как существование экстрапартизанских факторов» [4, с. 34].

В 1969 г. Фонсека возглавил СФНО, сформулировав его программу, в основу которой был положен тезис о народной вооруженной борьбе как единственно представляющей значение в процессе борьбы.

В 1969 г. со стороны правительства последовала новые жестокие репрессии. 15 июля армией с поддержкой самолетов были атакованы два городских квартала Манагуа. 15 января и 3 апреля 1970 г. погромы повторились. Тогда погибли некоторые студенческих лидеры, среди них Хулио Буитраго (руководитель городского революционного подполья) и молодой поэт-революционер Леон Ругама. Фонсека вместе с Оскаром Турсиосом, Умберто Ортегой и Томасом Борхе были арестованы в Коста-Рике, (они были освобождены в результате нападения сандинистов на военную казарму в Коста-Рике и вылетели на Кубу).

В это время происходит новый поворот в политической эволюции Карлоса Фонсеки как уже признанного руководителя никарагуанской революции.

Находясь в тюрьме в Сан-Хосе, в интервью иностранным корреспондентам он заявил: «Мы хотим социалистического государства в стиле Никарагуа».

В «Воззвании СФНО», написанном тогда же, было сказано:

«Социалистические требования и национальное освобождение, объединяются в Сандинистской народной Революции. Мы идентифицируемся с социализмом, не испытывая недостатка в критическом взгляде на социалистический опыт.

В основополагающем социализм отвечает надеждам, которые история и человечество вкладывало в него» [2, с. 267-268].

В другом интервью 1970 года на вопрос: можно ли исключительный метод победы Сальвадора Альенды в Чили перенести на другие страны?

Фонсека ответил:

«Без сомнения мы чувствуем большое удовлетворение от важной победы, которую обрел народ Чили. ...Но мы не можем перенести этот пример на другие страны Латинской Америки. В Центральной Америке только в этом веке достигло значения классическое движение за социальное преобразование, пролетарского предъявления своих прав, но мало продвинувшееся вперед. Мы придерживаемся нашей позиции, что фундаментальная гарантия революционного триумфа являются вооруженные угнетенные и эксплуатируемые. Насилие есть фундаментальное средство достичь трансформации неревolutionного общества. Для нас это бесспорно».

Далее: «Не может быть революционного движения, если нет революционеров, и не может быть революционеров, пока нет личностей, которые посвящают всю свою жизнь, все время, свой сон, свою бессонницу, страданию народа».

На вопрос, что мотивировало его вступление в революционное движение, Фонсека ответил:

«Убеждение в том, что в этих странах личность, которая имеет привилегии получить определенное образование, имеет долг вручить эти знания, какие бы они ни были скромные, судьбе большинства, которое не имело возможности притронуться к бумаге, потрогать книгу. Поступление в университет есть полномочие, которое умножает нашу обязанность участвовать в стремлении осуществить освобождение путем революционного изменения, путем социального изменения» [2, с. 202-203].

В другом интервью 1970 года, (оно, вероятно, было дано уже на Кубе) он заявил, что причиной того, что в течение «четверти века» (после убийства Сандино) не было ни революционного сознания, ни революционной организации в Никарагуа, явилось то, что «в течение многих лет марксизм не проникал в Никарагуа». Марксизм начал проникать в страну и укореняться в народе и среди никарагуанской молодежи с победой кубинской революции.

«Я оптимист относительно будущего революционной борьбы в Никарагуа, это не значит, что я не вижу больших трудностей, больших препятствий, которые у нее впереди. Борьба будет долгой и трудной, будет кровопролитной. ...Сандинистский фронт есть движение масс, которое вовлекло крестьянство там, где действует герилья...

Мы намереваемся следовать революционной борьбе, ведомые наиболее передовыми принципами, марксистской идеологией, команданте Эрнесто Че Геварой, Аугусто Сезарем Сандино. Мы сознаем то, что социализм есть единственная перспектива, которую имеют народы для достижения глубокого изменения в его условиях жизни. ...И хотя мы думаем, что фундаментальным путем должны быть принципы научного социализма, мы готовы идти вместе с людьми самых различных верований, заинтересованными в уничтожении тирании и в освобождении нашей страны» [2, с. 227].

В «Послании народу Никарагуа» (1970 г.) было сказано:

«Сандинистский Фронт, во главе народных масс Никарагуа жертвует собой не для получения жалкой крошки для народа, а для достижения радикальной социальной и национальной трансформации» [2, с. 271].

Определяя тактику борьбы, Фонсека подчеркивал: «Революционная борьба народа есть борьба качества против количества. Смысл есть качество, а пулемет есть количество. Побеждает не революционное оружие, а его ясный смысл. ...Партизан есть избранный солдат» [2, с. 32-33]. В «революционной морали» залог победы над диктатурой. Решающую роль в победе играет единство, которое достигается определенностью целей революционной борьбы.

Вместе с тем, победа не может быть обеспечена «скрытностью» революционной программы. Для победы над сомосовской диктатурой нужна поддержка народа, которой невозможно достичь, если «мы будем скрывать наши цели во благо крестьянина и за свершение революционной аграрной реформы».

Для быстрого свершения этой исторической задачи естественно подходит, прежде всего, молодежь, считал Фонсека. «В значительной мере нашему поколению выпало начать революционную борьбу... Мы являемся поколением кубинской революции, фиделевским поколением. ...Мы потомки Сандино. ...Мы боремся... за то чтобы его мечты о Свободной Родине и о счастливом народе стали реальностью» [2, с. 38].

Никарагуанская молодежь больше всех ощущает свою связь с борьбой против диктатуры, так как понимает, что будущее Никарагуа есть будущее ее молодежи. Поэтому никарагуанская молодежь «атакует диктатуру, не жалея ни жертв, ни сил», возлагая свои устремления на славный девиз Аугусто Сезаря Сандино: «Свобода или Смерть» [2, с. 53-54].

В написанном им «Обращении Сандинистского Фронта Национального Освобождения к революционным студентам» Фонсека, вспомнив имена студентов, погибших в революционной борьбе, отметил, что трудности, с которыми столкнулось революционное вооруженное движение в его развитии в Никарагуа, составляли часть процесса, который происходил в Латинской Америке.

«Наши братья студенты должны принимать в расчет, что страна, в которой они живут, называется Никарагуа. В этой стране неисчислимо большинство населения живет в тумане безграмотности. Личности, которые поднялись к среднему и университетскому образованию, должны считаться привилегированными. Этот сектор меньшинства населения, который имеет доступ к среднему и высшему образованию, не может повернуться спиной к угнетенному народному большинству. Молодые образованные люди обладают большей легкостью для познания причин, которым подвержена нация. Можно сказать, что образование есть условие, которое увеличивает долг, который имеют молодые студенты для участия в народной борьбе. Из-за своего контакта с культурой они представляют сектор населения большого объема, который располагает большими возможностями быть в контакте с идеями, которые конкретно объясняют корень социальных проблем» [2, с. 59-60]. Поэтому в определенный период студенты должны быть силой, которая возглавит народную борьбу. «Революционные студенты пролетарского сознания» должны быть связаны с рабочим классом и крестьянским классом, включая «скрупулезное изучение» их проблем.

Фонсека приводил слова Че Гевары из его книги «Партизанская война: один метод»: «Городские силы, руководимые из главного штаба народной армии, могут реализовать акции неисчислимой важности». Эти слова он относил к революционной студенческой молодежи.

Мнению «ректоров» о том, что задача университетов формировать образованного человека, Фонсека противопоставляет свое убеждение в том, что существует более высокая задача: «формировать патриота, человеческое существо, сознающее необходимость поставить свои знания на службу родине, на службу человечеству».

«Университет поддерживается потом трудящегося народа. Культура происходит из тысячелетней работы народов. Таким образом, законным хозяином университета является народ», – считал он и призывал революционных студентов к тому, чтобы «они выполнили свой священный патриотический долг, свой революционный долг» [2, с. 71].

Вместе с тем он отмечал в качестве «одного из дефектов» студенческого революционного движения в Никарагуа его колебание в создании революционной программы, которая «провозгласила без обиняков идеалы великих революционеров в истории: Карла Маркса и Аугусто Сезаря Сандино, Камило Торреса и Эрнесто Че Гевары».

По его убеждению, именно «благородные принципы Карла Маркса» ведут в поиске новой жизни, к национальной независимости, уничтожению иностранного империализма, что являются условиями для построения «нового мира, наполненного счастьем». «Современная история демонстрирует, что марксистские принципы являются компасом наиболее решительных защитников униженных, оскорбляемых, поработанных человеческих существ».

«Жертва Эрнесто Че Гевары, отождествившего себя с марксистскими идеалами, должна была показать, что эпоха конформистов, которые рядятся марксистами, принадлежит прошлому. Марксизм есть уже идеология наиболее яростных защитников латиноамериканского человека. Уже наступил час для того, чтобы мозг никарагуанских революционеров воспринял марксистский идеал пролетарского освобождения» [2, с. 67].

Вместе с тем Фонсека считал, что марксистские убеждения не препятствуют религиозным верованиям, приводя в качестве примера колумбийского священника-революционера Камило Торреса.

Борьба никарагуанского народа с целью достичь революционной победы, должна принимать в расчет опыт современного национально-освободительного движения, особенно в той части, которая касается руководящего положения «пролетарского класса» в развитии борьбы. «Революционная программа должна скинуть маску с социал-христианской демагогии, которая перед безжалостной борьбой капиталистического класса против пролетарского класса претендует достичь согласия социальных классов. Исторический опыт, постигнутый народами мира ценой героических жертв, учит, что не может быть мира между богатыми и бедными, между миллионерами и трудящимися» [2, с. 68-69].

Фонсека буквально процитировал слова Режи Дебре о том, что «народные массы без оружия будут разгромлены, также как будет разбито оружие без масс». «Путь победы должен быть параллельным укреплением борьбы масс и борьбы оружия» [2, с. 70].

В своих «Заметках о горах и некоторых других темах» Фонсека обратился к теме, традиционной для латиноамериканской революции со времен выхода книги Дебре «Революция в революции?».

«Нам мало известно о намеках по поводу суждения Че Гевары, трактовавшего процесс, который между равниной (городом) и горами имел место в повстанческий период на Кубе: он говорил, что создавались *расхождения внутри гармонии*. ...Согласно тому, чему учит огромный опыт других народов, единство революционного момента имеет неизменный источник в фундаментальном равенстве интересов, которое присутствует среди тысяч и тысяч наемных и неимущих рабочих в обществе. Речь идет о равенстве интересов, которые представляет рабочий класс» [2, с. 122-123].

По поводу противопоставления понятий *война* и *политика*, Фонсека напомнил, что: «Война есть продолжение *политики* другими средствами». И революционная война есть продолжение революционной

политики. Необходимо преодолевать старое политическое наследие. Необходимо знать «определенный опыт братских народов». Нельзя игнорировать этот опыт и не уметь его использовать. Это игнорирование подвергает опасности совершать ошибки в решении элементарных проблем, не говоря о проблемах более глубоких.

«Однажды Че сказал, что до победы кубинской революции Латинская Америка была забытым континентом», – заметил он [2, с. 126].

Фонсека вспоминал, что в 1957 г., когда он посетил Советский Союз, о Никарагуанской соцпартии (членом которой он тогда был) там никто ничего не знал. Позже, в 1964 г. он неожиданно выяснил, что некоторые руководители НСП не читали даже «Коммунистического Манифеста». В Никарагуа не было ни одной рабочей организации. В университете Манагуа в 1960 г. был лишь один преподаватель, знавший марксизм.

Поэтому особой проблемой для революционного движения, как отмечал Фонсека в «Часе ноль», были отношения с «группой» Социалистической партии. В Никарагуа объективно «социалистическая группа», как революционная сила была «чрезвычайно слаба». Но с другой точки зрения от отношения с этой группой зависела солидарность социалистического лагеря с революционным движением. Таким образом, определяя свое отношение к руководству «социалистической группы», Фонсека предлагал «не терять из виду перспективу того, что наша сила превращается в единственную революционную организацию страны». Здесь «уместно развивать стиль убеждения, а не полемики». Убежденность в собственной точке зрения не требует, с необходимостью, становится в «политическую позу». «Во внутренней дискуссии каждый должен бы ясно помнить о том, что согласуется с интересами движения, класса и нации, то есть *убедить*, а не *победить* другую сторону. ...Убеждение требует принимать в расчет дозу резона (смысла), каким бы низкой, маленькой она бы ни была, во мнении, которое каждый выражает» [2, с. 109].

Он подчеркивал, что заявления во имя социализма и цитирование известных революционных теорий, «одним словом; революционная фразеология не гарантирует глубину перемены и более того, напротив, может затруднить и вплоть до того, что воспрепятствовать ей, заводя на ошибочный путь». «Мы должны совершенствовать собственный стиль для усиления соответственно конкретным условиям страны борьбы эксплуатируемых против эксплуататоров, рабочих против буржуазии» [2, с. 98].

Далее, заметив, что «подпольные методы» преобладают в деятельности Сандинистского Фронта, Фонсека предостерегал от того, чтобы «подпольные методы» чрезмерно не ограничивали политическую жизнь организации. «Мы должны быть ограждены от псевдо-марксистской болтовни, которая имеет обыкновение производить впечатление марксизма, но которая в глубине своей есть лишь экономический материализм; фальсификация марксизма. Экономический материализм единственно придает значение экономическим фактам, как генераторам политических фактов» [2, с. 110].

При этом он настаивал на том, чтобы в политическом образовании членов движения и народа в целом должно использовать «революционные тексты». «Все позитивное, что мы находим в этих текстах, мы должны углубить». Он призывал к «осмотрительности» в связях с социалистическими странами, исходя из признания революционного движения.

«В продвижении солидарности вовне уместно, чтобы мы не ограничивались контактами связи лишь с определенным политическим сектором, а умножали также контакты, по мере того, как это позволит почти единодушие в [требовании] отречения Сомосы. Если мы не будем осторожны в этом аспекте, мы прибегаем к риску превратиться в еще одну фразу в революционной фразеологии вовне. Адекватное внимание к этому пункту будет возможным, если мы подумаем об экстраординарной важности, которую будет иметь солидарность перед усилением империалистических маневров» [2, с. 120-121].

Фонсека вспоминал, что для интеллектуальных кругов страны были характерны «запущенность политической культуры и литературная односторонность». Так что в 60-е годы политический уровень, который унаследовал Сандинистский Фронт, явился «максимальным пределом». Но «политическое отставание» не определяло укрепления революционного движения. Вместе с тем оно проявлялось с каждым днем в деятельности Сандинистского Фронта как «первой народной и пролетарской политической силы Никарагуа». Парадоксально политическое отставание заключало в себе определенный позитивный момент. «В Никарагуа не было надлежащей почвы для стерильной политики, которая, в конце концов, приводит к плагиату жарких полемик, которые были бы резонными в других исторических контекстах» [2, с. 127-128].

Хотя Фонсека считал позитивным «разнообразие мнений относительно решения проблем». Он ссылается на мнение К. Маркса о Французской революции 1789 г. и мнение Ленина о Парижской коммуне 1871 г. «В России марксизм сыграл свою роль в модернизации революционной борьбы. ...Но не всё было книжным продуктом» [2, с. 130].

Коснувшись, в связи с этим, вопроса отношения партия-*герилья*, к которому первым обратился Режи Дебре, Фонсека считал, что в любом случае революционная акция должна планироваться без

«партийного чванства». «Любая истинно революционная партия рождается в бою...» Здесь он приводил пример не только Кубы, но и России, Вьетнама, Китая, Кореи, Алжира. «...Любое упрощение ошибочно. Жизнь редко представляет вещи в излишней простоте. Необходимо помнить о серии последовательных фаз, которые даны в целом явлении. ...Но не будем путать часть с целым...» Он указывал на то, что в ходе активных действий *герилья* решает многие политические и идеологические задачи, и задавал вопрос: «не резонно ли... называться партией той организации, которая в сумме выполняет указанные благородные задачи?» [2, с. 140-141].

В одном из своих писем 1973 г. (Письмо никарагуанцев в Соединенные штаты) он писал: о том, что десятилетняя борьба Сандинистского Фронта предполагает «создание новой Никарагуа, в которой справедливость и свобода достигнут полного расцвета» [2, с. 155]. Это дает необыкновенное моральное превосходство.

По поводу тактики террора Карлос Фонсека высказывался весьма определенно:

Еще в своих записках 1965 года «Борьба за трансформацию Никарагуа» он писал: «Мы решительные противники изолированного террора бомбами и саботажем как основы борьбы против диктатуры. ... Террор как систему используют лишь реакционные силы. И верно, что террор не ведет к победе, потому что, если бы так было, то диктатура победила бы, так как располагает лучшими средствами для его применения. ...Одним словом, бомбы и саботаж должны использоваться тогда, когда это неизбежно в обретении вооруженной победы» [2, с. 32].

Позже он не один раз возвращался к теме террора, предупреждая, что «...необходима *осторожность* в применении индивидуального террора против врага». Не отрицая той роли террора, которую он сыграл во время войны в горах, он призывал к необходимости «быть более гибким в применении террора в городе».

«Очень важно ставить на первый план *политическую сообразность*, которой измеряется акция, ... будет ли это способствовать фундаментальному развитию нашей борьбы. Также целесообразно не терять из виду предпосылки революционного террора с определенным участием народных масс... Мы настаиваем на важности усиления политического критерия, уже потому, что во многих случаях определенные вражеские элементы из-за своих злодеяний заслуживают смерти, но общий интерес движения не позволяет привести в исполнение смертный приговор» [2, с. 104].

Вместе с тем он отмечал: «Известно мнение великих классиков теории и революционной практики в связи с решающей ролью, которую играют вооруженные «успехи», какими бы *маленькими и скудными* они ни были, в час наступления за взятие власти. Они относятся к важности таких боев для подрыва военной морали врага» [2, с. 105].

По возвращению в Никарагуа Фонсека вновь был арестован (освобожден после захвата сандинистами 21 октября 1971 г. в Коста-Рике самолета «Юнайтед Фрут Компании» и вылетел на Кубу). В этот период своей политической биографии Фонсека формируется как интернационалист.

В своем обращении к конференции Tricontinental в 1972 на Кубе Фонсека назвал Сандино «пролетарским партизаном». Он провёл линию преемственности между Сандино и Эрнесто Геварой. «Аугусто Сесар Сандино есть никарагуанский партизанский герой, чье имя стало символом уже вековой борьбы народов Латинской Америки против империализма янки. ...Эрнесто Че Гевара, Аугусто Сесар Сандино, вчера, обозначают героизмом несомненный партизанский путь, который поведет народы-жертвы империализма к абсолютному овладению своими собственными судьбами» [2, с. 368].

Далее: «С победой Кубинской революции обрел свой блеск никарагуанский повстанческий дух. Марксизм Ленина, Фиделя, Че и Хо-Шемина был воспринят Сандинистским Фронтом Национального Освобождения, который вступил вновь на тяжелую партизанскую тропу».

Национальное освобождение Никарагуа будет достигнуто посредством вооруженной борьбы, поддержанной народными массами и направляемой наиболее передовыми революционными принципами. В новое время многие народы поднимутся против империализма янки, что бы все вместе в партизанской войне разгромить «армию доллара». Примерами этой высшей решимости народов являются Вьетнам и Куба. «В этой новой битве, молодое никарагуанское поколение, верное завету Аугусто Сезаря Сандино, доказывает своей кровью, что занимает достойное место» [2, с. 384].

В другом документе 1972 года Фонсека записал:

«Победа Кубинской революции как кульминация народной борьбы, возглавляемой партизанами гор и равнины; колоссальное сопротивление непокорного вьетнамского народа, являются теми высокими событиями, которые определяют начало нового исторического этапа в Латинской Америке, в которой наш континент вступает в современную универсальную битву против худшего врага человечества: североамериканского империализма» [2, с. 386].

7 ноября 1976 года Карлос Фонсека погиб во время боя в горах региона Зиника.

Узнав об этом, находящийся в тюрьме Томас Борхе, «одержимый богом ярости и дьяволом нежности», написал очерк «Карлос, рассвет уже не есть искушение» (опубликован после победы сандинистской революции), в котором он заявил:

«С примером нашего исчезнувшего командующего сегодня Сандинистская революция шагает вглубь мощного возрождения. Наши мечты жестко противостоят ответам истории. Сандинистский оптимизм объективен, он обнажен как жизнерадостная лошадь. Революция, которая родила Фонсеку, есть мать, которая несет в своем животе новые и определенные ответы: победа Сандино, кровавая победа Карлоса, победа всегда, герои и мученики.

...Сегодня для нас и для нашего народа, рассвет перестает быть напряженным ожиданием; завтра, однажды, вскоре засветит неизвестное солнце, которое осветит землю, которую нам обещали наши герои и мученики. Земля с изобильными реками молока и меда, где расцветут все плоды, за исключением плода бесчестия, и где человек будет братом человеку, и на которой воцарят любовь, великодушие и героизм, и у чьих ворот наш народ будет ангелом, охраняющим огненным мечом, который воспрепятствует возвращению эгоизма, высокомерия, тщеславия, коррупции, насилия и жестокой и агрессивной эксплуатации одними людьми других.

За это мы боролись, за это проливали кровь Аугусто Сесар Сандино, Карлос Фонсека и сотни никарагуанских патриотов и революционеров» [4, с. 46-47].

После победы Сандинистской революции команданте Умберто Ортега Сааведра в своей речи, произнесенной на V годовщину гибели Карлоса Фонсеки в народном театре Рубен Дарио 7 ноября 1981 г сказал:

«С 1950 по 1960 годы среди никарагуанских повстанцев и патриотов, которые двигались по различным направлениям в поиске пути, как отбросить навсегда диктатуру тирана Сомосы Гарсия, Карлос Фонсека появляется, как молодой никарагуанский представитель нового патриотического и революционного поколения. ...Его деятельность и мысль представляла в эти тяжелые годы борьбы пятидесятих жизненное звено необходимого сцепления нашего патриотического и антиимпериалистического процесса за национальное и социальное освобождение, созданного в тридцатые годы Отцом Антиимпериалистической народной революции Аугусто Сесарем Сандино. ... Сандино есть лучший сын народа Никарагуа, Фонсека есть лучший сын Сандино» [2, с. 19].

Библиографический список

1. Идейное наследие Сандино (Сборник документов и материалов) / Под ред. И.Р. Григулевича и др. — М.: Прогресс, 1985. — 360 с.
2. Carlos Fonseca Obras, Tomo I, Bajo la bandera del sandinismo / Carlos Fonseca. — 2 ed. — Managua: Nueva Nicaragua, 1982. — 440 p.
3. Carlos Fonseca Obras, Tomo II, 1936-1976. Viva Sandino / Carlos Fonseca. — Managua: Nueva Nicaragua, 1982. — 199 p.
4. Tomas Borje La axioma de la esperanza / Tomas Borje. — Spain, Deselee de Brouver, S.A., 1984. — 181 p.

Поступила в редакцию 29.10.2007 г.